

Журнал и сценарий - 2001 - янв. (№1) - с. 3.

Прощание

Никак не подберу названия к этому... И жанра все никак не подберу. Пожалуй, что и то и другое Прощальное слово (быть может, не ново звучит, но, увы! верно).

Умер Александр Розанов

Внезапно, неожиданно, скоропостижно (55 лет). Ушел от нас 10 декабря – в конце 2000 года, в самом финале XX века, в эпилоге 2-го тысячелетия.

Драматургические термины тут к месту, ибо Александр был драматургом, и меня с ним познакомила и сблизила именно драматургическая студия, руководимая А.Н. Арбузовым и Н.А. Крымовой, просуществовавшая с 1972 года вплоть до смерти Арбузова и распавшаяся после его ухода из жизни.

Студия-то распалась, бывшие члены ее (уже немолодые люди) продолжали свою разную отдельную жизнь, общение наше стало редким и случайным, а мы с Сашей сохраняли дружбу – вернее будет сказать, что дружба эта и возникла на развалинах сей памятной Студии: мы пытались вот таким, неумелым, наверное, образом, сохранить то, что зовется традицией.

Последние пять лет его жизни были, по сути дела, неразлучны: если не встречались, то ежедневно трепались по телефону (по нескольку раз), и так до самой его кончины (он умер – как и желал того – во сне: легкая, счастливая смерть, как это называется, без болезней, страданий, и все такое прочее, неизбежных вроде бы).

Его писательская судьба складывалась не слишком удачно – так уж получилось. Пьесы его ставили мало (в Москве только один раз: «Ночь ангела» в театре имени Маяковского с Л. Сухаревской и Б. Тениным, режиссер Ю. Иоффе; в кино – один фильм – комедия Л. Марягина «Дорогое удовольствие»).

Эта непризнанность, неприятие со стороны режиссеров, так или иначе знакомая каждому из отечественных драматургов (особенно в последние рыночные годы), и была, сдастся мне, одной из причин его депрессии, перешедшей в трагедию 10 декабря. Проклятая не востребованность... и все с ней связанное.

Александр был человеком сложным (в хорошем смысле этого слова). Он был добрым и ранимым, и вместе с тем – принципиальным и резким (иногда чересчур – не по слишком стоящим, на мой взгляд, поводам). Последнее обстоятельство многих раздражало, отталкивало – всегда легче не вникать, не понимать, чем

сделать попытку разобраться в человеке, а стало быть и в том, что и зачем он пишет.

Я не пошел на его отпевание (он был всерьез религиозным человеком – этим мы отличались), потому что мне хотелось, чтобы в моей памяти он остался живым. И до сих пор меня все время тянет набрать номер его телефона и, как всегда, рассказать о том-то и о том-то (у нас не было никаких секретов друг от друга). И каждый раз, поняв, что сделать это невозможно, я как бы заново переживаю свою потерю и утрату.

Мир твоей душе, мой Друг Александр!

Александр РЕМЕЗ